

УДК 329.11

В. С. Ившин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ «РАННЕГО КОНСЕРВАТИЗМА»: А. С. ШИШКОВ И Ф.-Р. ШАТОБРИАН

Рассматриваются риторические стратегии А. С. Шишкова и Ф.-Р. Шатобриана в рефлексии о Великой французской революции и «смежных» проблемах, актуализированных революцией: социальной стратификации, религии, вопросах об идеальной форме правления. На основе методологии Кембриджской школы «истории понятий» делается вывод о сходствах и различиях политического глоссария обоих авторов в рассмотрении обозначенного круга проблем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая французская революция, социальная стратификация, монархия, история понятий, провиденциализм, религия, консерватизм, сословность, добродетель.

Историографическая традиция, сложившаяся в изучении общественно-политической мысли конца XVIII – первой четверти XIX в. в дореволюционной, советской и отчасти современной историографии, ориентирована на выделение и изучение «крупных» идеологий: консерватизма, либерализма, социализма и т. д. Чаще всего авторы подобных исследований «подгоняют» общественно-политические взгляды конкретного исторического деятеля под устоявшийся набор критериев, характерных для той или иной идеологии, причисляя идеи одних исторических акторов к консерватизму, других – к либерализму или социализму, избегая внутренних интенций, присущих конкретному авторскому тексту. Исследователи отечественного консерватизма В. Я. Гросул и А. Ю. Минаков считают критериями российского консерватизма XIX в. идеи религии, традиций и традиционализма, сильного государства [см.: Гросул, с. 29; Минаков, 2011, с. 6]. Однако следует согласиться с Д. В. Тимофеевым, что акцент нужно делать не на доктринальных характеристиках крупных идеологий, а на реальных коммуникативных практиках и тех понятиях, которые используются для обоснования той или иной идеи или предложения в конкретной ситуации [см.: Тимофеев, с. 450–453].

Целесообразно в данном случае использовать методологический инструментарий Кембриджской школы «истории понятий», позволяющий перенести вектор исследования с доктринальных характеристик идеологий

и доктрин адептов к реконструкции риторических стратегий, политическому языку, использованному авторами в определенном контексте (ситуации) [см.: Роскок]. Таким образом, консерватизм в настоящем исследовании рассматривается не как крупная абстрактная доктрина, а в качестве своеобразной риторической стратегии, «культурного глоссария», позволяющего авторам раскрывать те или иные вопросы в определенном идеологическом фокусе.

Французская революция, обозначив крах *l'ancien regime*, побудила значительную часть европейских интеллектуалов осмыслить настоящий феномен, его природу, последствия и причины, а вместе с тем порассуждать на «смежные» темы: о казни короля Людовика XVI, о политическом суверенитете, представлении об идеальной форме правления. Уничтожив прежние сословные привилегии, революция поставила ребром вопрос о социальной стратификации и сословных добродетелях. Наконец, распространившиеся идеи антиклерикализма провоцировали на рассуждение о религии. Отсюда особый интерес вызывают риторические стратегии осмысления «революционного феномена» и смежных проблемных тем двумя современниками, обычно причисляемыми к лагерю «консерваторов»: А. С. Шишкова и Ф.-Р. Шатобриана. Оба являются видными общественно-политическими и государственными деятелями конца XVIII – первой четверти XIX в., а потому интересны главные вопросы: придерживались ли обозначенные «адепты консерватизма» схожих риторических стратегий? Как и каким образом обозначенный круг насущных тем осмыслялся этими адептами?

М. Г. Альтшуллер подчеркивает «смертельную боязнь и страх», которые испытывал А. С. Шишков перед революцией [см.: Альтшуллер, с. 83–84]. Между тем ни в момент начала революции, ни в ее развитии его не интересовали французские события. В 1788–1790 гг. Шишков принимал участие в Русско-шведской войне, но даже после войны его больше интересовали цены на кружева, чем перипетии Французской революции [см.: Киселева, с. 71–72]. Создается иллюзия, что революция для адмирала – совершенно индифферентная тема, находящаяся в стороне от его интересов. Однако в 1795 г. он пишет «Оду на покорение Польши», большинство стрóf которой посвящено французским событиями. Для него революция – это божественное провидение, эсхатологический конец, наказание за отступление французов от христианской веры. Вместе с тем существует «спасительное царство» – Российская империя – «блаженная из всех страна» под властью монархии:

Блаженная из всех страна
Златая часть тебе дана.
В любви к царю и Богу тая,
Какой народ толико лет
Спокойны годы провождая
В толиком счастья цветет?

[Шишков, 1831, с. 143].

Империя, в которой над «стадами тельцов и агнцев» правит мудрый монарх, Екатерина – «пастор» в царстве «тишины и благодати» [см. : Там же, с. 144]. Российская империя под властью монархии предстает анти-тезой революционной Франции. Только под скипетром монархии все находится в «гармонии» [см.: Там же, с. 153–154]. О важности монархического института для адмирала свидетельствуют следующие строки:

И в царстве сильном и богатом
Все сокрушается, пустошит
Стеняща добродетель бедна,
С потупленною там главою...

[Там же, с. 146].

Причиной подобного «безначалия» и «бедственного» положения добродетелей было отступление французов от христианской веры, позволившее им покуситься на власть монарха-суверена. Какой должна быть монархия согласно адмиралу? Во-первых, власть монарха дарована от бога, именно поэтому она суверенна и вечна – это провиденциальное понимание природы монархического правления [см.: Там же, с. 145]. Во-вторых, монарх должен править с опорой на исторический опыт: «юный царь объемлет в седом родителе мудрость, великодушие и пример, как должно любить свое отечество» [Шишков, 1811, с. 13], тогда его правление будет добродетельным. Только при соблюдении этих обязательных условий подданные будут обладать добродетелями, источником которых было православие, из него «народоправитель черпает мудрость, судья правду, полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие» [Там же, с. 57]. В то же время религия служила основой легитимации светской, монархической власти: «в наполнении сердец их любовью к вере, откуда проистекает любовь к Государю, сему поставленному от Бога отцу...» [Там же, с. 43]. Таким образом, религиозность предстает главной добродетелью, которой обладают российские подданные и сам монарх.

Итак, революция для Шишкова – это божественное провидение, а революционная Франция – «царство антихриста», способное распространить эти идеи на другие народы. Однако революция его не интересовала вплоть до того времени, пока она не подобралась к границам Российской империи. Но и тогда она не угрожала напрямую российской «тишине», однако через философские идеи и французский язык «пагубно» воздействовала на нее. Косвенное влияние он видел в галломании российского дворянства – ориентации на «французские культурно-поведенческие модели: язык, моду, идеологию...» [Минаков, 2009, с. 143]. В этом же ключе он отмечает: «Ежели б всякая держава сохраняла свою народную гордость [самобытность], то Французская революция была бы только в углу своем страшна; мнимые их философы не вскружили бы столько голов...» [Шишков, 1828, с. 242]. Таким образом, избрание «в цари или, справедливее сказать, в атаманы» Наполеона незаконно, ибо избрали «безбожные» французы, а правит он в отрыве от исторического опыта [см.: Шишков, 1870, с. 270]. Как следствие, его избрание не завершило революции, правление Наполеона – это прямое продолжение революции.

Обращение Шишкова к проблеме социальной стратификации также было следствием Французской революции, но произошло только после констатации распространения галломании в среде высшего российского дворянства, в условиях ментальной пропасти между вестернизированным дворянством и простым народом [см.: Минаков, 2011, с. 58–61]. Эта констатация связана с публикацией в 1803 г. «Рассуждения о старом и новом слоге» и последующими ответами на критику данной работы в 1804–1807 гг. Преодоление «пропасти» возлагалось адмиралом на «благовоспитанное» дворянское сословие – дворян, избежавших «повреждения нравов» под французским влиянием и могущих быть искренними патриотами, «почитающими веру, законы и нравственные правила» [Шишков, 1828, с. 246–247]. Здесь же он ратует за сохранение сословно-профессиональной структуры российского общества, в которой «земледелец умел пахать, судья судить, купец торговать, сапожник шить сапоги...» [Там же, с. 245].

Даже призывая к национальному единству в канун и годы Отечественной войны 1812 г., Шишков не отступал от принципов сословности: народ всегда значился на последнем месте в его манифестах, а дворянство идеализировалось как «верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем нерушимую преданность и любовь к царю и Отечеству» [Шишков, 1816, с. 168], тем самым излечи-

ваясь от галломании. Это своего рода «дворянский эгоизм», присущий политической риторике адмирала. И, как верно подмечает В. С. Парсамов: «Для него [Шишкова. – В. И.] было важно не самостоятельное участие народа в боевых действиях, а демонстрация преданности крепостных крестьян помещикам и всех сословий – царю и Отечеству» [Парсамов]. Отечественная война 1812 г. хоть и приобретает в манифестах статус «священной войны» «за веру против безверия» [Шишков, 1816, с. 121], но ее главная цель – «привести все царства в прежнее их состояние», к «гармонии» старого порядка, при котором сохраняются незыблемые принципы сословности, а монарх будет главным гарантом этих принципов [см.: Шишков, 1870, т. 1, с. 183].

Ф.-Р. Шатобриан встретил Французскую революцию в Париже, затем последовал длительный период эмиграции и контрреволюционной борьбы. Только в 1797 г., находясь в Лондоне, он пишет «Опыт о древних и новых революциях» – политический трактат, выдержанный в духе полемики с философами-просветителями. Для него революция – это любой переворот, «совершающий перемену правления какого-либо народа, как монархическое на республиканское или республиканское на монархическое» – почти современная трактовка «революции» как коренного изменения в жизни общества [Chateaubriand, 1797, p. 7–8]. Как отмечает Г. А. Мухина, главной идеей «Опыта...» была мысль о вечном цикле смены республиканского и монархического правлений через революцию, которая стала «состоянием разрыва между этими правлениями» [Мухина, 2001, с. 55]. Шатобриан устанавливает взаимосвязь причин «древних» и «новых» революций: так, непосредственной причиной Французской революции была американская [см.: Chateaubriand, 1797, p. 32]. Отсюда знаменитый шатобриановский тезис о неизбежности революции, ведь для него «история народов есть лестница несчастий, где различные ступени составляют революции» [Ibid, p. 10]. Другую причину он усматривает в «беспокойстве, свойственном нашему сердцу», происходящем от «некого стремления к божеству» [Ibid, p. 384]. Значит ли это, что «беспокойство» имеет религиозные начала? Однозначного ответа на этот вопрос в тексте «Опыта...» мы не найдем по причине «светскости» шатобриановской риторики в трактате. Шатобриан в мемуарах писал: «в юности я был “монархистом-атеистом”, а в конце жизни стал “католиком-либералом”» [Шатобриан, 1995, с. 204].

Только в «Гении христианства» (1802) Шатобриан выступил апологетом христианской веры, фактически реабилитировав ее среди своих соотечественников, сделав христианство «идейно-эстетической антитезой

литературе философов-просветителей» [Казакова, с. 98–99]. Он не только объявляет христианство главным «движителем» прогресса, но и самого движения истории, которое «имеет своим началом Господа» [Шатобриан, 1982, с. 112–113]. Исходя из этой логики, революция понимается им так же, как божественный промысел, наказание за казнь короля и отступление от христианской веры. Даже в описании свержения Наполеона с престола присутствует провиденциальная риторика: «Богу не угодно было <...> чтобы пришлец [Наполеон] ниспроверг королевскую преемственность» [Chateaubriand, 1814, p. 7]. Иные причины революции он усматривает в «развращении нравов и заблуждении нашего разума» [Ibid, p. 1]. Также большое значение для Шатобриана имел исторический опыт: «Именем закона ниспровергали мы веру и добродетель, удаляясь от опытов и обычаев наших отцов <...> единственных основ всего государственного» [Ibid, p. 1–2]. Таким образом, провиденциальная риторика в объяснениях революции также была присуща Шатобриану наряду с обращением к истории, опыту предков. В то же время религия, будучи одной из «основ всего государственного», была основой легитимации светской власти.

Каковы же были представления Ф.-Р. Шатобриана об идеальной форме правления? Здесь возникает определенная сложность в идентификации его взглядов. Дело в том, что в своих мемуарах он недвусмысленно пишет: «плебейская тирания – тирания плодovitая и полная надежд, но гораздо более страшная, чем *дряхлый деспотизм древней королевской власти*... (курсив мой. – В. И.)» [Шатобриан, 1995, с. 126]. Большинство исследователей «шатобриановского» наследия отмечают заметное влияние философов-просветителей, в особенности Ш.-Л. Монтескье с его «Духом законов», на представления об автономии народов (правильной формы правления для каждого народа) [см.: Мухина, 2001, с. 56–57]. Еще в «Опыте...» Шатобриан заключает: «то, что хорошо для одного народа, редко бывает хорошим для другого» [Chateaubriand, 1797, p. 74] – это негативная оценка трансляции античного республиканского опыта на французскую *modernity*, ведь, согласно ему, все нации «по природе своей были монархиями» [Ibid, p. 74–75]. Этим влияние Монтескье не ограничивалось, оно прослеживается и в «шатобриановском» рассмотрении форм правлений в зависимости от состояний общественной добродетели и «возраста наций»: «Свобода – для дикарей, королевская республика – для пастухов, демократия – в расцвете добродетели, аристократия – при ослаблении нравов, монархи – в возраст роскоши, деспотизм – при испорченности» [Ibid, p. 138–139].

Шатобриан считал монархию идеальной формой правления, во время Реставрации он напишет: «Просвещенные опытом, мы увидели, что монархическое правление является единственным подходящим для нашей страны» – это была переоценка негативного опыта революции, в этом ключе власть Наполеона – преемница «плебейской тирании» революции, а его свержение с престола было божьим промыслом [см. : Chateaubriand, 1814, p. 2]. Только под скипетром законного монарха «народ наслаждается своими правами и добродетелью», а при отсутствии законного монарха: «тиран делает все, что ему нравится; ведет народ на войну; и притесняет его; люди становятся бессовестные и порочные» [Ibid, p. 81, 84].

Шатобриана нельзя назвать исключительно монархистом. Еще в «Опыте...» он признавал за идеал смешанную форму правления, ибо «человек – существо общественное, то при действии многих его страстей нужны многие противодействия», а за существующие образцы он брал Великобританию, Рим, Спарту и Карфаген [см. : Ibid, p. 49]. Это была попытка «восстановить» естественный ход истории, т. е. придать новую коннотацию реабилитированной монархии в соответствии с «духом века» [см.: Travers, p. 98–99]. Порывы к конституционно-монархическому правлению исходили из «шатобриановского» понимания аристократической свободы, основанной на религиозных представлениях [см. : Мухина, 2000, с. 34]. Подобные идеи высказывались еще в «Опыте...» при сравнении античных республик с современной ему Францией: «Древние республики существовали благодаря рабам, наши отцы-варвары существовали благодаря рабам», но только христианская религия отменила рабство и морально удерживает от просвещенческих «страстей» [см. : Chateaubriand, 1797, p. 368–369]. Свобода понималась им как особая христианская добродетель, а конституционная монархия – в качестве политико-религиозного консенсуса организации власти, объединяющего монархические, аристократические и народные силы [см.: Travers, p. 96–97]. Подобный консенсус был основан также на религии как источнике монарших и гражданских добродетелей и «естественной свободы», воплощенной в «божественной хартии».

В том же «Опыте...» Шатобриан возлагал ответственность за девальвацию сословных ценностей на дворянское сословие, «зараженное просветительскими максимами», допустившее распространение «просветительской заразы» к «несчастному народу» [см.: Chateaubriand, 1797, p. 97–100]. Он усматривает еще одну причину революции в «зависти между сословиями», ибо «У Солона и французских реформаторов оказались одни и те же опасности – толпа требовала равенства имуществ» [Ibid, p. 30–32].

Тем самым для него «состояние различия талантов и добродетели» являлось естественным обоснованием привилегий дворянства [см.: Chateaubriand, 1797, p. 32]. Во время Реставрации он объявит, что «главная причина наших зол – в этом химерическом равенстве» [см.: Chateaubriand, 1814, p. 7]. Интересно, что гарантом сохранения сословной иерархии выступал примат неприкосновенности собственности, а монарх являлся лишь второстепенным гарантом, арбитром между аристократией и народом [см.: Chateaubriand, 1797, p. 176–177]. Подобные представления о сословных привилегиях прослеживаются и позже, уже при Людовике XVIII, когда зашел вопрос о допущении несобственников к законодательному корпусу. Только собственник, согласно Шатобриану, «имел интерес в поддержке законов и созидании, в то время как человек без собственности по своей природе тяготеет к разрушению и свержению» [Chateaubriand, 1816, p. 271]. Подобные сентенции были вызваны длительной и вынужденной эмиграцией в Лондон, а также французскими революционными событиями, когда не оказалось ни короля, ни аристократов, а только «ярость неимущих христиан».

Итак, смыслообразующим «ядром» политической риторики обоих адептов был концепт «революции», провоцирующий рассуждать на «смежные» темы, обращаться к вопросам социальной стратификации, идеальной формы правления, добродетелям и религии. Для Шишкова эта проблема стала актуальной только в связи с восстанием в Речи Посполитой в 1794–1795 гг., когда появилась «реальная» угроза российской «тишине», для Шатобриана – с момента начала революции. Прослеживаются две риторические стратегии осмысления революции. Одна из них светская, когда революция понималась как нравственно-политическое явление в силу ряда причин (развращения нравов, распространения безверия, убийства суверена, деградации «морали» и т. д.) – модусов морально-этического и нравственного происхождения, а вторая – провиденциальная, в которой революция была актом божественного провидения. При этом «раннему» творчеству Шатобриана в силу влияния философов-просветителей присуща вполне светская риторика, а провиденциальная составляющая появляется значительно позже.

Провиденциальный монархизм обоих позволял им описывать власть монарха как данную от бога, а самого монарха объявлять его ставленником, героем, творящим «божественные» дела. Через риторику провиденциального монархизма объяснялась преемственность монархической власти, а история и религия служили средствами ее легитимации, источниками добродетелей. Обращение к проблеме социальной стратификации

в риторике адмирала Шашкова происходит только с констатацией галломании в российском социуме. Для Шатобриана эта проблема стояла опять же с самого начала революции. Таким образом, оба ратовали за сохранение принципов сословности, но гарантом «сословности» для Шишкова был монарх, а для Шатобриана – право собственности, а уже затем монарх.

Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции // Рус. лит. 1991. № 1. С. 144–149.

Гросул В. Я. Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 18–104.

Казакова Г. Х. Романтический историзм и проблема реабилитации средневековой культуры в творческом наследии Ф.-Р. де Шатобриана : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017.

Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // Stidia Russica Helsingiensia et tertuensia. (Тарту). 1995. № 4. С. 66–86.

Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. 2009. № 7. С. 143–150.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2011.

Мухина Г. А. «Исторический опыт» Ф.-Р. Шатобриана о Французской революции: доводы отрицания // Социальные институты в истории: ретроспектива и реальность. Омск : Изд-во ОмГУ, 2001. С. 28–38.

Мухина Г. А. Отношение Франсуа-Рене де Шатобриана к религии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. С. 28–37.

Парсамов В. С. Конструирование идеи народной войны в 1812 году // НЛО. 2012. № 118 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/p14.html> (дата обращения: 01.01.2019).

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011.

Шатобриан Ф.-Р. де. Гений христианства / пер. с фр. О. Э. Гинзбург // Эстетика раннего французского романтизма. М. : Искусство, 1982. С. 94–220.

Шатобриан Ф.-Р. де. Замогильные записки / пер. с фр. О. Э. Гринберг, В. А. Мельчина. М. : Изд-во имени Сабашниковых, 1995.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин : Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. Т. 1.

Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Шашков А. С. Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. СПб. : Тип. Имп. рос. акад., 1831. Ч. 14. С. 143–154.

Шишков А. С. Ответ на письмо господина Луки Говорова // Шашков А. С. Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. СПб. : Тип. Имп. рос. акад., 1828. Ч. 12. С. 236–261.

Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб. : Тип. Имп. рос. акад., 1811.

Шишков А. С. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб. : Морская типография, 1816.

Chateaubriand F.-R. de. De Buonaparte, des Bourbons. Paris : Impr. Mame frères, 1814.

Chateaubriand F.-R. de. De la monarchie selon la Charte. Paris : Impr. de Le Normant, 1816.

Chateaubriand F.-R. de. Essai historique, politique et moral sur les Revolutions anciennes et modernes considerees dans leurs rapports avec la Revolution. London : J. Deboffe, 1797.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton : Princeton University Press, 1975.

Travers E. Constant et Chateaubriand, deux défenses de la Monarchie // Revue Française d'Histoire des Idées Politiques. 2004. Nr 19. P. 89–123.

УДК 94(47).084.8

А. В. Соловьев

КОНТРУДАРЫ РККА В ИЮЛЕ 1941 г.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статья направлена на то, чтобы обосновать возможность объединения рассмотренных операций РККА в единую линию и представить ее как типичную реакцию советского командования на первый кризис плана «Барбаросса». Обоснование сходства этих операций производится через их сопоставление по выделенным критериям. Одним из ключевых факторов провала этих операций, по мнению автора, является неспособность советского командования воспользоваться благоприятными условиями для их проведения с учетом кратковременности этих условий

К л ю ч е в ы е с л о в а : 1941 г., контрудары, Сольцы, Сенно — Лепель, 26-я армия.

В истории начального периода Великой Отечественной войны достаточно известны контрудары РККА летом 1941 г. Первые из них, относящиеся к последней декаде июня, обычно объединяются в единую «серию» [см.: История Великой..., т. 2, с. 30–31; История Второй мировой войны, т. 4, с. 38–39, 42]. Они проводились в соответствии с Директивой № 3, принятой Генштабом РККА 23 июня 1941 г. Логика данной Директивы была продиктована предвоенным советским планированием. В случае прорыва немецкими войсками полосы обороны вдоль госграницы предполагалось нанести контрудары подвижными соединениями и восстано-